

ПАЛИНДРОМНЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Бубнов А.В.

Курский институт социального образования» (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» Курск, Россия (305029, Курск, ул. К.Маркса, 53), e-mail: AL-DrBubnov@ya.ru

В процессе изучения русского языка и художественной речи давно употребляется термин устойчивый словесный комплекс (УСК) – частотные словосочетания. В палиндромии – специфической художественно-изобразительной речи, основу которой составляет симметрия элементов текста – наблюдается множество повторяемых устойчивых словосочетаний, эстетически и семантически значимых текстовых сегментов, а также собственно палиндромов, состоящих из 2-3 слов. По аналогии с устойчивым словесным комплексом в изучении палиндромического текста следует ввести термин ПУСК – палиндромный устойчивый словесный комплекс. Анализируется функция ПУСК в контексте коммуникативных ситуаций в парадигме «автор/ цитата/читатель», а также способы и методы преодоления тривиальности ПУСКов. В итоге исследования становится понятно, что палиндромию через ПУСКи пронизывают цитатность и интертекстуальность. Функционирование УСК в палиндромии имеет свою специфику и приобретает вид инструментов коммуникативной и эстетической функций русского языка и художественной речи в целом.

Ключевые слова: русский язык, художественная речь, устойчивый словесный комплекс, палиндром, коммуникация.

PALINDROME SUSTAINABLE VERBAL COMPLEXES AS TOOLS OF COMMUNICATION AND AESTHETIC FUNCTIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND ART OF SPEECH

Bubnov A.V.

Kursk Institute of social education (branch of the institute RSSU (Russian State Social University)), Kursk, Russia (305029, Kursk, street K.Marx, 53), e-mail: AL-DrBubnov@ya.ru

In the process of studying the Russian language and art of speech has long used the term sustainable verbal complex - frequency phrases. In palindrome - specific art-fine speech, which is based on symmetry elements of the text - there are many repeated phrases, aesthetically and semantically meaningful text segments, as well as palindromes, consisting of 2-3 words. By analogy with sustainable verbal complex in the study palindromes text should introduce the term START - palindromic sustainable verbal complex. Analyzes the Start function in the context of communicative situations in the paradigm of "author/ citation/reader", as well as ways and means of overcoming the triviality of Starts. In the end of the study it becomes clear that palindrome through Launches permeate citing and intertextuality. The functioning of the UIC in palindrome has its specificity and takes the form of tools, communicative and aesthetic functions of the Russian language and artistic speech in General.

Keywords: english, art speech, sustainable verbal complex, palindrome, communication.

В современном образовании большое внимание уделяется изучению русского языка и художественной речи [1]. В процесс их преподавания устойчиво вошел составной термин *устойчивый словесный комплекс (УСК)* – частотные словосочетания (в фольклоре, в летописях и т.п.). Устойчивость и повторяемость элементов текста связаны также с понятиями паронимов и таронимов, а также паронимической аттракции, которая присуща палиндромической художественной речи, где «смыслы зарождаются на уровне глубинной паронимии» [8]. В палиндромии – специфической художественно-изобразительной речи, основу которой составляет симметрия элементов текста (букв, слогов, слов, словоформ и

т.п.) – наблюдается множество повторяемых устойчивых словосочетаний, синтагм, эстетически и семантически значимых текстовых сегментов, а также собственно палиндромов, достаточно коротких, состоящих из 2-3 слов.

Цель исследования – анализ функционирования устойчивых словесных комплексов в палиндромии как инструментов коммуникативной и эстетической функций русского языка и художественной речи.

Материалом исследования послужили художественные палиндромические тексты русских поэтов XX-XXI веков.

Методы исследования – описательный метод, метод контекстологического анализа, а также структурные методы исследования, без которых нельзя обойтись в изучении вариаций и взаимодействий устойчивых словесных комплексов в палиндромической художественной речи.

В приложении к палиндромии по аналогии с УСК нами вводится термин *палиндромный устойчивый словесный комплекс (ПУСК)*. Так, например, устойчивость и репродуктивность паронимов в палиндромии реализуется именно в ПУСКАх.

В палиндромии эмпирически устанавливаются палиндромно-лексические пары (палиндромные пары, по устному предложению Ю.Б. Орлицкого) и цепочки (все они вместе сочетаются в ПУСКАх), составленные из «смешиваемых» авторами слов в палиндроме: *кат / так, лапу / упал, пот / топ, чаду / удач* и т.п. Палиндромные пары при семантическом и грамматическом соответствии образуют ПУСКИ («удач чаду»), при несоответствии остаются парами или палиндромными оппозициями («лапу / упал»). Ср. самый популярный палиндром на русском языке «а роза упала на лапу Азора» (приписывается А.Фету). Палиндромия в целом относится к комбинаторным формам художественной речи. Общую типологию комбинаторных форм (крайне важную для понимания не только палиндромии, но и в целом языковых игр) на примере французской группы «УЛИПО» приводит Т.Бонч-Осмоловская [2].

Таким образом, *палиндромный устойчивый словесный комплекс (ПУСК)* – это достаточно компактное частотное в палиндромической художественной речи сочетание слов (словоформ), используемых, как правило, в комплексе со своими палиндромными парами (в узуальной ретроскрипции).

Естественно предположить, что компактность ПУСКов подразумевает частотность кратких грамматических структур. Особенно это показательно для кратких прилагательных, которые в палиндромии функционируют и как предикаты, и как эпитеты: ПУСКИ «гол лог», «лай ал», «худ дух» и т.п. Частотность кратких прилагательных приближает палиндромию к фольклору и архаике.

Вся палиндромия в большей или меньшей степени основана на ПУСКах, а следовательно и на интертексте. В этом аспекте актуализируется изучение коммуникативной функции русского языка в плане понимания эстетического аспекта художественного функционирования ПУСКов. Рассмотрим коммуникативные ситуации в интерлингвистике палиндромии.

Н.А. Кузьмина в главе «Цитация в контексте проблем заимствования и влияния» своей монографии определяет «три типа коммуникативных ситуаций при цитировании: 1. Цитата для автора – цитата для читателя (...) 2. Цитата для автора – не цитата для читателя (...) 3. Не цитата для автора – цитата для читателя» [5]. Но часто автор является читателем, а читатель может быть автором. Кроме того, автор автору и читатель читателю рознь. Такие уточнения в контексте палиндромии приобретают особую актуальность и усложняют ситуацию. Рассмотрим кратко следующие коммуникативные ситуации.

Первая комбинация представляет собой формулу «цитата для автора – цитата для читателя». В этой схеме палиндромия в принципе ничем не отличается от непалиндромической художественной речи с её «эпиграфизацией». Некоторое своеобразие в том, что эпиграфы (в т.ч. недеklarированные) палиндромия «черпает» из палиндромии же или из самых разных непалиндромических текстов.

Для сравнения, в английской палиндромической литературе в связи с её богатой историей по схеме «палиндром в палиндроме» построено множество текстов. Так, например, в произведении «In Eden» (J.Lindon) варьируется один из самых знаменитых английских палиндромов «Madam, I'm Adam».

В стихотворении-перевертне П.Нагорских «И город, и дороги» декларированный эпиграф из М.Цветаевой «Я – есмь. Ты – будешь...» палиндромически осваивается в первых же строчках: «Я есть, ты будешь, – / Еду, быт сея... // Ее рок судишь, – / Иду скорее».

Второй тип коммуникативной ситуации представляет собой «цитата для автора – не цитата для читателя». Данный тип создаётся в основном потому, что палиндромические тексты с трудом находят своего читателя. Если читателю попадаются палиндромы, то это, как правило, случайная публикация. Только пытливый читатель после такой случайной «встречи» с палиндромическим текстом будет специально искать подобные тексты и сравнивать их – делать эстетический выбор. Итак, цитата для автора часто не является цитатой для читателя или для другого автора.

Третий тип: «не цитата для автора – цитата для читателя». Одностишие В.Брюсова «Атака заката» [3] появилось в качестве названия книги палиндромов современного автора М.Медведева. Казалось бы, ничего необычного в этом нет («Белеет парус одинокий»

В.Катаева и т.п. примеры), но в книге Медведева нет никакого «брюсовского» контекста. Нет свидетельств того, что автор «зряче» называл свою книгу. Более того, М.Медведев декларирует: «я... специально не запускаю свои тексты в Интернет, специально не ищу общения с палиндромистами. Я не хочу быть ни первым, ни последним в соревновании. У меня свой путь. (...). Очевидная двусмысленность названия книжки «Атака заката» оправдывает, по замыслу, некоторую неровность текстов (самому что-то нравится больше, что-то – меньше) и их количество. Просто вот-вот перевалит на седьмой десяток, и хочется зафиксировать всё, что сделал» [6]. Иначе говоря, брюсовское палиндромное одностишие «Атака заката» обретает у М.Медведева особый смысл ‘заката жизни’. Цитация по такому типу может приводить к переосмыслению контекста ПУСКа.

Как подчёркивает один из современных исследователей палиндромии И.Чудасов, «если для Брюсова его эксперименты носили характер штудий, иллюстраций своего мастерства, то для Хлебникова они были путём обновления языка» [10]. Действительно, В.Хлебников (а вслед за ним многие поэты, включая В.Набокова, см. ниже) пытался интуитивно преодолевать тривиальность ПУСКов, объединяя их в единый стих, усложняя высказывание: например, фраза «Голод, чем меч долог?» состоит из двух ПУСКов – «голод долог» и «чем меч».

ПУСК «я рад, даря», появившийся под псевдонимом *Д.И.* в вариационно-инверсивном контексте двустишия «Я рад, даря! // Даря, я рад!», уже в качестве одностишия печатается в «Литературной газете» поэтом В.Татариновым, который явно не был знаком с палиндромами Н.Шульговского. Ср. ритмически и структурно ПУСК на французском «Salut! Tu l'as?».

Итак, среди типов рассматриваемых коммуникативных ситуаций не цитата для автора может быть и не цитатой для читателя (редактора той же «Литературной газеты», «пропустившего» такой «плагиат»), а это уже четвёртый тип коммуникативной ситуации при цитировании, не нашедшей рассмотрения в монографии Н.А. Кузьминой [5]. Такие ситуации находим и в более поздних современных публикациях. Особенно значимыми представляются примеры, когда ПУСКи находят своё место в антологиях современных художественных текстов, одна из которых вышла в 2013 году. При этом специфика дискурса состоит в том, что автор-составитель антологии Е.Степанов поддерживает разрабатываемую нами концепцию ПУСКов: «Конструкции в палиндромическом дискурсе основаны, как правило, на одних корнях (А.В. Бубнов называет их Пусками). Используя одни и те же Пуски, разные поэты создают не похожие друг на друга поэтические миры – в зависимости от собственной версификационной практики». В итоге в антологии появилась достаточно спорная (в смысле проблемы авторского права, связанной с ПУСКами)

публикация одностиший(!) А.Мирзаева [9]. Например, текст одностишия Мирзаева «Теперь – трепет...» встречается у палиндромиста-классика Н.Ладыгина: «Мечту-деву уведут. Чем // Теперь трепет // Тела жалеть...» («Верь», 1973 г.). Позже этот ПУСК применил В.Рыбинский: «Течем в мечеть – // Толп оплот. // Теперь трепет – // Корана рок».

В связи с рассмотренной выше проблемой реализации частотных ПУСКов в художественной речи и идиостиле отдельных авторов, рассмотрим композиционные типы функционирования ПУСКов. Если УСК в фольклоре ощущаются органично, то в палиндромотворчестве (по преимуществу, авторском) ПУСКи воспринимаются подготовленным читателем часто как тривиальность, недостаток мастерства автора. Основной метод преодоления тривиальности ПУСКов – окружение ПУСК оригинальным контекстом. В зависимости от контекста ПУСКи могут расцветиваться красками новых смыслов: «Я, чур, у ручья // ищу кущи // и ключья чолки, // и чубы зыбучи.» (В.Хромов, «Горный перевертень»). Две последние строки-синтагмы уже с некоторой натяжкой можно назвать ПУСКами, потому что *чолка* и *чубы* стали метонимическими метафорами, соотносимыми с зарослями около ручья – *кущами*.

Два простейших ПУСКА «*рвал лавр*» и «*алоз Эола*» у В.Набокова соединяются в сложный оригинальный палиндром «*рвал Эол алоэ, лавр*». Набоков одним из первых в практике русского палиндрама почувствовал необходимость перехода от клишированности ПУСКов к практике использования по меньшей мере двух ПУСКов в одной синтагме. Аналогичные тенденции наблюдаем в лингвопоэтике других языков. Ср. на украинском: два простейших ПУСКА «*вада – падав*» и «*море пером*» составляют у Ю.Садловского синтагму «*вада – пером у море падав*». Ср. также со строкой современного русского поэта П.Байкова, изощрённо, как бы «подмигивая» В.Набокову, обыгравшего ПУСК «*рвал лавр*» в 1-й строке стихотворения «Амуры дыр ума II»: «*Рвал Ментор оборотнем лавр*».

При композиции сложного палиндрама часто наблюдается «дефрагментация» ПУСКА, который «разбивается» таким образом, что каждая часть в результате «отходит» к разным синтагмам: «Огонь. Лоб. Муза. Разум больного. // (...)» (М.Крепс), ПУСК «муза – разум»; «А как утро, во рту – кака!» (А.Карпов, «Признание алкоголика»), ПУСК «утро во рту». Подобное «разбиение» характеризует идиолект Н.Ладыгина: «Не сова ли била в осень // Лапой? И опал // Лист от сил // Ее?» или «Один, души пишу дни до // Отказа. Кто // Ты? Пойми опыт // И жар и миражи» [7].

Следующий этап в построении сложного палиндрама из ПУСКов заключается в дистантном расположении элементов ПУСКА. Тот же ПУСК «утро во рту» может быть преобразован в «Утро. Вино нив во рту» (А.Канавщиков).

Клишированность ПУСКов преодолевается, в том числе, простым повтором палиндромных слов перед ПУСКом и после него. Симметричная формула «слово-палиндром + ПУСК + слово-палиндром» с элементом словесного палиндрома соотносится с пересегментацией текста и с принципом «разбивки»: «Еле вижу, жив еле» (А.Федулов), ПУСК «вижу, жив»; «Ищи покоя, окоп ищи» (И.Фоняков), ПУСК «покоя окоп».

Палиндромическая художественная речь широко продуцирует повтор слов. В приводимом ниже фрагменте первый стих, в частности, иллюстрирует вышеописанную пересегментацию по отношению к ещё не существовавшему на практике, но предвиденному В.Брюсовым ПУСКу «тише тешит»: «Топот тише, тешит топот; // Хорош шорох; хорош шорох... // (...) // О, мимо! мимо! // А город? а город? о, дорога! дорога!» (В.Брюсов).

ПУСКИ, будучи снабженными комментариями (названиями), претендуют на самостоятельные одностишия. Таковы, например, названия и/или комментарии А.Карпова (приводятся ниже после соответствующих палиндромов-ПУСКов): «Сапсана спас» (ПУСК), «Хвастовство лесника»; «Таракан на карат!» (ПУСК), этот «палиндром можно вложить в уста ювелиру, отловившему особо крупный экземпляр таракана»; «Театр тает» (ПУСК), метонимия, возникающая в комментарии «Жалобы об утечке кадров»; «Я ем змея» (ПУСК), «это, должно быть, говорит обедающий после удачного поединка с драконом, скажем, Илья Муромец».

Символически трактует своё палиндромное одностишие («изоп», в терминологии автора), ставшее впоследствии ПУСКом, А.Вознесенский: «После того, как ступня человека коснулась Луны, Луна исчезла как миф, сентиментальная легенда, ирреальность. Изоп «а Луна канула» читается слева направо и обратно. Читатель как бы следит взглядом за полётом на Луну и обратно» [4].

Один из популярных способов творческого подхода к ПУСКам – инверсия его составляющих. Например, ПУСК «осело колесо» таким образом может быть преобразован в циклический палиндром «колесо осело», когда инициаль «к» может быть потенциально продуктивна для расширения композиции, основанной на ПУСКе: «Катка колесо осело. Как так?» (Б.Гринберг).

У многих авторов ПУСКИ используются непосредственно «как таковые», без обработки, составляя некую «череду» ПУСКов: «Букв куб // Конус и рисунок // Резать на фигурки (...)» (В.Хромов). В данном случае ПУСК «конус и рисунок» может быть реализован у других авторов по-разному: и как «Конус и рынок. Иконы рисунок» (С.Гринберг), и как «Конус и рыбка, как бы рисунок» (Д.Авалиани).

Заключение

ПУСКИ в палиндромической художественной речи служат своеобразными «фразеологизмами». УСК в палиндромии приобретают вид ПУСКА. Палиндромию через ПУСКИ пронизывают цитатность и интертекстуальность. Функционирование устойчивых словесных комплексов в палиндромии имеет свою специфику и приобретает вид инструментов коммуникативной и эстетической функций русского языка и художественной речи в целом.

Список литературы

1. Беспарточный Б.Д., Медведев И.Н. Регионализация профессионального образования – веление времени // *Фундаментальные исследования.*–2008.–№9.–С.70
2. Бирюков С. Русский палиндром. Проверка сонетом (о палиндромических сонетах Владимира Пальчикова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.convdocs.org/docs/index-131328.html> (дата обращения: 15.11.2014).
3. Бонч-Осмоловская, Т.Б. «Сто тысяч миллиардов стихотворений» Раймона Кено в контексте литературы эксперимента: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – С. 160-162.
4. Брюсов В.Я. В дорожном полусне. Голос луны. Шутки // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 тт. Т.3. – М.: Художественная литература, 1974. – С. 508-509.
5. Вознесенский А.А. Тень звука. – М.: Молодая гвардия, 1970. – С. 160.
6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. – Омск: Омский гос. ун-т, 1999. – С. 125-126.
7. Медведев М. Атака заката. Музыка палиндрома. Стихи. – СПб.: Красный матрос, 2001. – С. 42-43.
8. Свобода ограничения: Антология современных текстов, основанных на жёстких формальных ограничениях / Сост. Т.Бонч-Осмоловская, В.Кислов; вступ. ст. Т.Бонч-Осмоловской. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 216 с.
9. Степанов Е. Палиндром как поэзия // *Литературная учёба.* – 2009. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lych.ru/37-2009-07-17-14-09-57/-s12009/262> (дата обращения: 15.11.2014).
10. Степанов Е.В. Жанры и строфы современной русской поэзии: Версификационная практика поэтов XX и XXI веков. (Издание в III томах). – М.: Вест-Консалтинг, 2013. – Т.3. – С. 42.
11. Чудасов И.В. Эволюция форм русской комбинаторной поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2009. – С. 21.

Рецензенты:

Климас И.С., д.фил.н., профессор, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета, г.Курск;

Коковина Н.З., д.фил.н., доцент, профессор кафедры литературы Курского государственного университета, г.Курск.